Стецура, Ю. А. Молодежь 20–30-х гг. XX в. – основа постреволюционной модернизации СССР / Ю. А. Стецура // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 4 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск: БДУ, 2009. — С. 322–328.

Ю. А. СТЕЦУРА

МОЛОДЕЖЬ 20—30-х гг. XX в. — ОСНОВА ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СССР

Проблема выбора путей общественного развития принадлежит к числу важнейших историософских проблем, которые требуют новой всесторонней и углубленной разработки.

Без преувеличения можно констатировать, что по интенсивности и продолжительности теоретических поисков и практической революционной борьбы за выбор новых, прогрессивных путей общественно-политического развития в XIX и начале XX в. опыт императорской России, СССР не имеет себе равных.

В XIX в., особенно в его второй половине, многие передовые слои общества осознали, что страна отстает от развитых европейских государств, является «догоняющей» страной.

Эволюционный путь развития общества был исчерпан, и надвигающаяся революция должна была помочь России провести социально- экономические преобразования. Известный французский историк Н. Верт писал: «В 1913 г. общий уровень промышленного производства в России оставался все же в два с половиной раза меньше, чем промышленное производство Франции, в шесть раз меньше, чем в Германии, в четырнадцать раз меньше, чем в Америке». Н. Верт на основе анализа экономики России делал вывод: «...экономическая политика Витте — Столыпина не привела к какому-нибудь действительному приближению к западной модели». А самодержавию «вынесли приговор два обстоятельства: неспособность к реформам и война» [1, с. 55—60].

Необходимо отметить, что российские ученые, как и их западные коллеги, доказывали: «Царизм и буржуазия довели страну до грани национальной катастрофы... Революция оказалась в тех экстремальных конкретно-исторических условиях единственным выходом из тупика, в который завели страну господствующие классы» [2, с. 47].

В историографии 20—30-е гг. на протяжении многих десятилетий рассматривались как «период построения социализма». Мы предлагаем всеобъемлющий процесс обновленческих постреволюционных преобразований в экономической, социальной, политической, культурной, общественной жизни России рассматривать с теории модернизации. В зарубежном обществоведении накоплен значительный опыт изучения проблем модернизации и развития. Разрабатывались критерии, фазы, этапы и типы модернизационных процессов. Определялись носители этих идей и субъекты модернизации.

В 60-е гг. XX в. в западной социологии сложилось общее понимание модернизации как перехода от традиционного, аграрного общества к современному индустриальному. «Исторически модернизация — это процесс изменения в направлении тех типов социальной, экономической и политической систем, которые развивались в Западной Европе и Северной Америке с XVII по XIX в. и затем распространились на другие европейские страны, а в XIX и XX вв. — на южноамериканский, азиатский и африканский континенты», — писал Ш. Эйзенштадт, один из авторов теории модернизации [3, с. 40].

Отечественное обществоведение также активно включилось в осмысление парадигмы модернизации [4].

XVIII—XX вв. мировой истории прошли под знаком поиска и практического воплощения инновационных мероприятий при переходе от традиционного к индустриальному обществу. Процессы модернизации приобретали удивительное своеобразие и неповторимость в зависимости от времени и места: геополитического положения региона, его исторического наследия, социально-экономического, политического, культурного уровня развития, национального менталитета.

Академик Российской академии наук В. В. Алексеев в монографии «Опыт российских модернизаций XVIII—XX вв.» выделяет особенности модернизационных процессов в постреволюционной России. Автор указывал на то, что пришедшие к власти в октябре 1917 г. большевики «в качестве эксплицитной цели революции провозгласили построение социализма, т. е. общества социальной справедливости с господством общественной, а точнее, государственной собственности, заменой рыночных отношений» [5, с. 66].

Вениамин Васильевич особенно подчеркивал, что «революция, возглавляемая большевиками, преследовала одновременно две противоположные цели с точки зрения цивилизационного подхода к историческому процессу. С одной стороны, она свергала нарождавшиеся бур-

жуазные отношения в России и тем самым нарушала естественный ход модернизационного перехода, а с другой — уничтожала феодальные пережитки, которые тормозили этот переход. Такой парадокс

порождался тем, что большевики приняли побочное противоречие эпохи (классовую борьбу) за основное (переход от традиционного общества к современному)» [6, с. 67].

Можно ли рассматривать преобразования 20—30-х гг. как процесс модернизации? На этот вопрос мы отвечаем положительно. И. В. Сталин стремился перенять и использовать экономические, технологические, культурные достижения индустриального общества стран Западной Европы. Именно Сталиным и его окружением выдвигались лозунги: «догнать» и «перегнать», «проскочить» технико-экономическую отсталость России за 10—15 лет. Поэтому модернизация СССР в 20—30-е гг. приняла форсированный характер и коренным образом отличалась от радикальных преобразований Англии, Франции, США, проходивших в XVIII—XIX вв.

В историографии советского общества важное место занимает история участия молодежи в постреволюционном переустройстве СССР. Это обусловлено объективными и субъективными причинами постреволюционной действительности. Уничтожив слой носителей модернизационных процессов, И. В. Сталин и его окружение нашли социальную опору постреволюционных преобразований в молодежи.

В общественной жизни страны конца XIX в. — первой четверти XX в. молодежь традиционно принимала самое активное участие. Не будет преувеличением назвать освободительное движение этого периода молодежным, как по возрасту основной массы его участников, так и по социальному составу. Такой характер движения был обусловлен не только социально-психологическим, но и демографическим фактором. Население императорской России было очень молодым. По переписи 1897 г. в стране средний возраст чуть превышал планку 25 лет, а молодежь до 30 лет составляла 74,9 млн человек, или 64,9 % населения [7, с. 9].

Молодые люди комсомольского возраста от 15 до 26 лет в постреволюционной России составляли треть населения. В абсолютных числах более 40 млн человек [8, с. 147—158].

Поколение 20—30-х гг. мечтало о современном, индустриальном обществе и стремилось достичь этой цели. Ломка отсталого уклада жизни страны была по душе молодым горячим головам. Юноши и девушки охотно откликались на призывы: «Догнать и перегнать», «Ускорить!»,

«Уничтожить», «Одолеть трудности!». Молодые, сильные, они с энтузиазмом стремились преодолеть многовековую отсталость России за несколько десятилетий, приносили себя в жертву.

Молодежь 20—30-х была одной из главных опор сталинского курса на форсированную индустриализацию, коллективизацию, культурное строительство.

Политическое руководство убеждало население страны, и особенно молодежь, в необходимости провести индустриализацию быстрыми темпами. Официальной пропагандой абсолютизировалась человеческая жертвенность во имя «строительства социализма». Жертвенность рассматривалась, как доказательство истинной веры, преданности классовым интересам. Эксплуатируя социальную активность молодежи, используя ее политическую наивность, сталинское руководство видело в молодежи социальную основу в реализации стратегии промышленной политики по модернизации страны. В годы второй пятилетки только на Урале было построено и реконструировано около 150 предприятий промышленности, в том числе 50 крупнейших объектов тяжелой промышленности [9, с. 35].

Партийное руководство страны для реализации намеченной программы промышленного переустройства страны обязывало всю молодежь поднять массовое рационализаторское движение среди юношей и девушек. Техническая подготовка для молодежи становилась обязательным делом. «Час в день на техническую учебу — это было лозунгом действия каждого комсомольца».

Государственным, хозяйственным, политическим руководством страны всячески поддерживалась производственная инициатива, так как по утверждению В. М. Молотова, Председателя Совнаркома СССР: «Десятилетие, в которое мы вступаем, является тем решающим периодом, в течение которого мы должны на деле не только догнать, но и перегнать передовые в технико-экономическом отношении капиталистические государства» [10, с. 319]. Стремление «догнать и перегнать» находило отзыв в душах и делах молодежи 20—30-х гг. Именно она первой шла на выполнение решений партии по превращению России в индустриальную державу.

Мобилизация молодежи на выполнение планов по реализации модернизационных процессов, промышленной политики продолжалась и поддерживалась политическим руководством. Особенно поощрялось коллективное творчество рабочей молодежи, которая вовлекалась в ударные бригады и производственные коммуны. Новые производствен-

ные коллективы способствовали повышению производительности труда и несли ответственность за каждого члена бригады. Этим можно объяснить стремление руководства вовлечь как можно больше юношей и девушек в ударные бригады, производственные коммуны, возложив на них коллективную ответственность за выполнение планов по переустройству промышленности. Если на первом этапе развития ударничества поддерживались индивидуальные его формы, то с 1 января 1930 г. обращалось пристальное внимание на

создание производственных коммун, ударных бригад. Правда, развивались и другие формы привлечения молодежи к выполнению производственных задач. Благоприятное влияние роста ударничества сказалось на работе промышленности. Так на Урале добыча руды впервые за пять месяцев хозяйственного года в феврале 1930-го была выполнена с превышением на 2,7 %. Крупное Бакалинское рудоуправление, дававшее за январь 45 %, а за 4 месяца 65 %, в феврале, с появлением ударных бригад, выполнило норму на 103,6 % [11, л. 7].

К середине 30-х гг. активизируется роль молодежи в реализации индустриализации страны. Так, к 1 января 1935 г. в составе работающих в промышленности, на транспорте и других отраслях было 6 917400 молодых людей в возрасте до 23 лет, что составило 30,2 %, ко всем занятым в народном хозяйстве. Молодежь до 30 лет составляла более 60 % в основных отраслях промышленности страны [12, л. 27—28].

Генеральная политическая линия по модернизации страны, как правило, проводилась в жизнь не экономическими рычагами, а чаще всего идеологическими. В обществе преобладал приоритет идеологии над экономикой, а это способствовало утверждению героических, романтических, «сверхчеловеческих усилий», пафосу строительства нового общества, чем умело пользовалось политическое, государственное, хозяйственное руководство страны.

На строительство гигантов первых лет индустриализации комсомол мобилизовал 800 тыс. юношей и девушек. Однако строительство на многих объектах велось так, что тысячи молодых людей голодали, замерзали и находились в невыносимых условиях.

Основным источником трудовых ресурсов при сооружении индустриальных объектов страны была молодежь. Однако не решенные социальные проблемы: низкая заработная плата, плохие бытовые условия приводили к большой текучести юношей и девушек с «ударных строек». К примеру, на строительство Магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска в июне 1930 г. на стройку прибыло

9932 человека, а убыло 7494, в августе прибыло 3600, а покинуло стройку 3200. За пять месяцев (с апреля по август 1930 г.) на строительство «комсомольской домны» прибыло 29 000 человек, убыло 20 900. Экстенсивный путь развития индустриализации был положен в основу советской модернизации.

Молодежь страны становилась одной из главных сил созидательного, модернизационного процесса. Так, на 1 ноября 1939 г. молодежи в возрасте до 25 лет в общем числе рабочих, служащих, инженерно-технических работников крупной промышленности СССР было 89 %. В различных отраслях промышленности молодежь в возрасте до 25 лет составляла: в угольной промышленности — 87,1 %; в нефтедобывающей — 87,5 %; железорудной — 80,7 %; химической — 93 %; черной металлургии — 83 % ; металлообрабатывающей — 95,7 %; текстильной — 87, 9 % [13, л. 2—4].

С участием юношей и девушек в годы первых пятилеток в строй вступило 4500 крупных предприятий. Стахановское движение, ударничество способствовали подъему в промышленности производительности труда в два раза. Валовая продукция увеличилась в 2,2 раза при сравнительно небольшом увеличении численности рабочих и служащих. СССР в годы второй пятилетки (1932—1937 гг.) прекратил ввоз сельскохозяйственных машин и тракторов. В этом успехе страны значительный вклад принадлежал постоянно растущему (за счет деревенской молодежи) рабочему классу.

Молодое поколение 20—30-х гг., преодолевая огромные трудности, проявляя жертвенность, на практике осуществляло модернизацию страны и промышленную политику советского руководства, выполняя стратегическую задачу: «Догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны». Молодежь 20—30-х гг. являлась социальной опорой в реализации промышленной, аграрной, социокультурной политики в период постреволюционной модернизации страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Верт, Н.* История советского государства. 1900—1991; пер. с франц. / Н. Верт. М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992.

2. *Волобуев, В. П.* Обращаясь к великому опыту / В. П. Волобуев // Страницы истории советского общества: Факты, проблемы, люди. М.: Политиздат, 1989.

3. Цит по: *Красильщиков, В. А.* Модернизация и Россия на пороге XX века / В. А. Красильщиков // Вопросы философии. 1993. № 7.

4. Модернизация: Зарубежный опыт и Россия. М., 1994; Российская модернизация**:** проблемы и перспективы // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 30—40; *Красильщиков В. А*. Модернизация России на пороге XXI века // Вопросы философии 1993. № 7. С. 40—57; *Лейбович О. Л.* Модернизация в России: к методологии изучения современной отечественной истории. Пермь,1996; *Беляева Л. А.* Социальная модернизация в России в конце XX века. М., 1977; *Вишневский А. Г.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998; Опыт российских модернизаций XVIII—XX веков. М.: Наука, 2000; *Алексеев В. В*. Судьба России в XX веке // Историческая наука на пороге XXI века. Новосибирск, 2001; *Алексеев В. В.* Парадоксы российской модернизации XX века // Россия в поисках национальной стратегии развития. Екатеринбург, 2003.

5. Опыт российских модернизаций XVIII—XX веков. М.: Наука, 2000.

6. Там же.

7. См.: Очерки истории молодежного движения. М.: Институт молодежи. 1993.
8. См.: Госкомстат СССР. Экспресс-информация [Серия: История статистики]. Вып. 3—5. Ч. 2. История населения СССР. 1920—1959. М.: Статистика, 1990.
9. См.: С огнем большевистским в груди. Очерки истории комсомола Урала (1917—1979). Свердловск, 1979.
10. Политическая история: Россия — СССР — Российская Федерация: в 2 т. Т. 2. М.: Терра, 1996.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 1. Оп. 23. Д. 963.
12. РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1121.
13. РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1338.